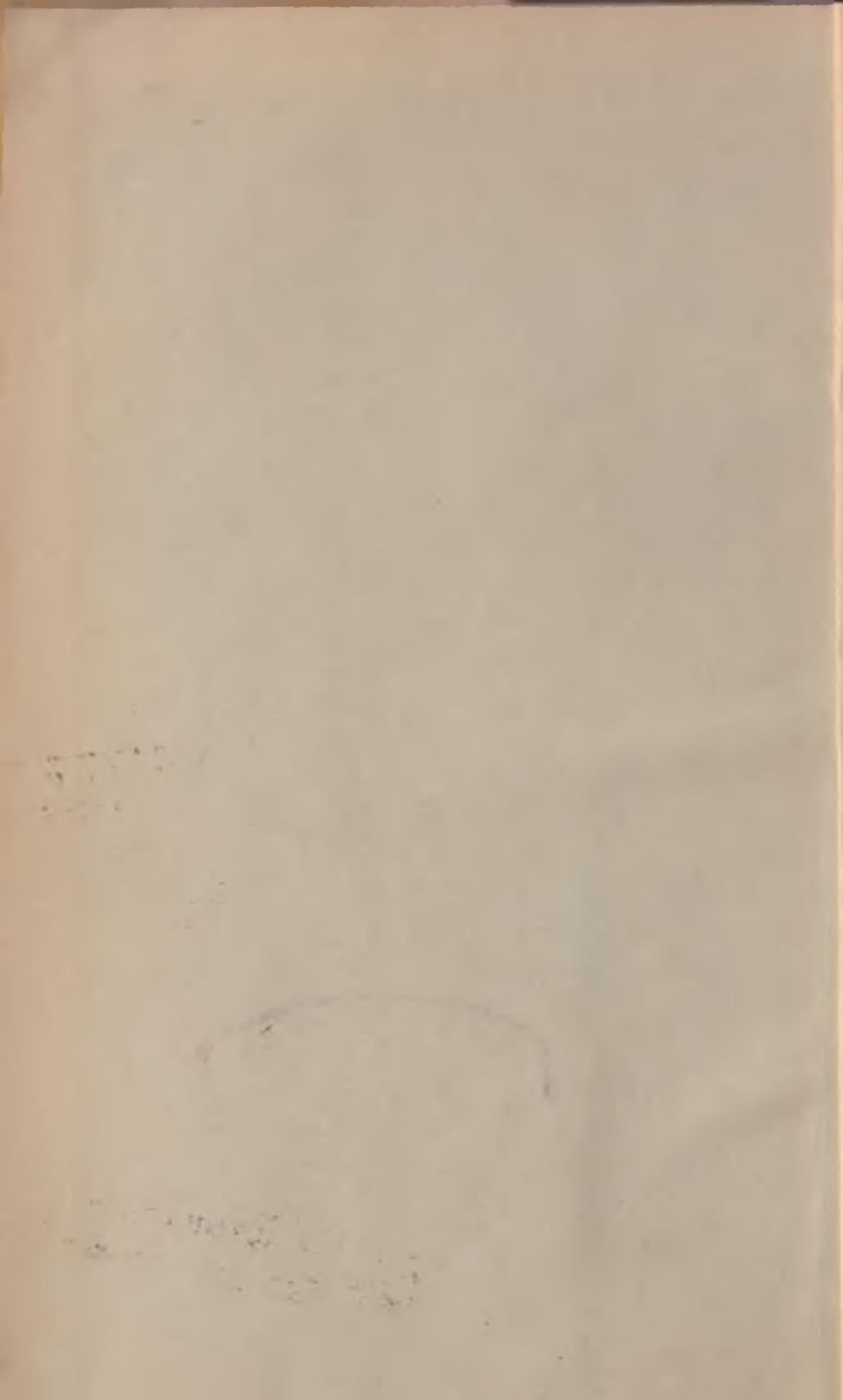

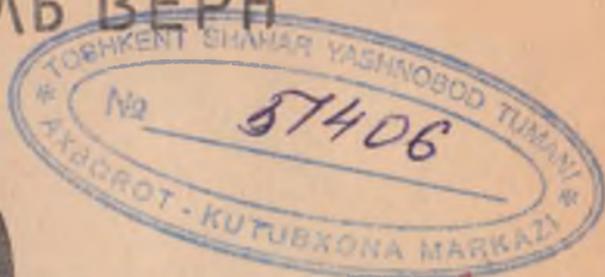

Жюль Верн

КЛОДИУС БОМБАРНАК

ЖЮЛЬ ВЕРН

Клодиус Бомбарнак

11073

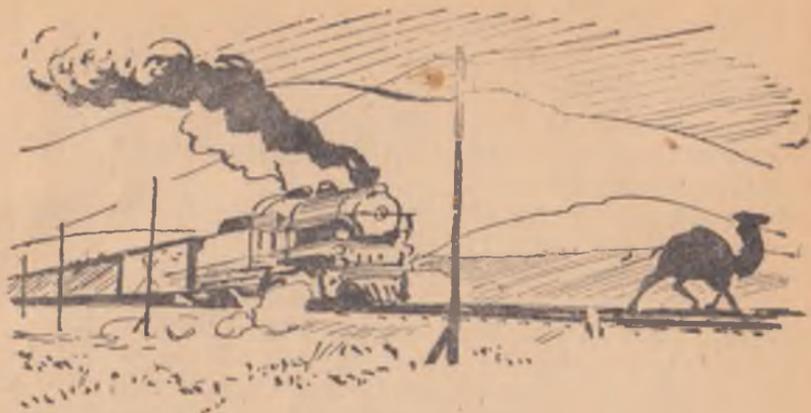
Перевод с французского Е. и Н. Брандис

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА
"ЕШ ГВАРДИЯ"
ТАШКЕНТ — 1961

Роман Жюль Верна „Клодиус Бомбарнак“ издается впервые в новом переводе на русский язык. Советскому читателю это произведение знаменитого французского писателя почти неизвестно, издания, предпринятые в прошлом, мало соответствовали оригиналу.

В то же время роман представляет интерес, поскольку рисует быт и нравы буржуазного общества, показывает методы и средства, к которым прибегает европейский капитал, пытаясь захватить и экономически подчинить себе страны Востока.

Жюль Верн вместе со своими героями проследживает путь от Тифлиса (нынешний Тбилиси) до Китая. Все действие романа разворачивается в поезде, который следует по новой тогда дороге, проложенной русскими инженерами и рабочими, от Каспийского моря через пустыню Каракум на Восток. Книга написана в форме путевых заметок репортера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Клодиусу Бомбарнаку, репортеру
«XX века»

Тифлис, Закавказская область.

Этот адрес был указан на депеше, ожидавшей меня в Тифлисе, куда я прибыл 13 мая. Распечатав её, я прочитал:

«Клодиус Бомбарнак должен оставить все дела и 15 числа текущего месяца находиться в порту Узун-Ада на Каспийском море. Там он сядет в прямой Трансазиатский поезд, соединяющий Европейскую границу со столицей Небесной Империи.¹ Поручается передавать впечатления в форме хроникальных заметок, интервьюировать в пути достойных внимания лиц, сообщать о любых происшествиях в письмах или телеграммах, в зависимости от срочности. «XX ВЕК» рассчитывает на усердие, сообразительность, ловкость своего корреспондента и предоставляет ему неограниченный кредит.

---

¹ Небесная Империя — прежнее название Китая.

Вот так-так! А я только сегодня утром прибыл в Тифлис с намерением провести там три недели, затем посетить грузинские провинции, поработать на пользу моей газеты, и, как я надеялся, также и на пользу моих читателей.

Сколько всяких неожиданностей и случайностей в жизни странствующего репортера!

В ту пору русские железные дороги были уже соединены с Кавказской линией Поти—Тифлис—Баку. После долгого и интересного путешествия по Южной России я собирался хорошенько отдохнуть в Тифлисе... И вот, неугомонный редактор «XX века» дает мне только полдня на остановку в этом городе! Не успев еще осмотреться и распаковать чемодан, я вынужден снова пуститься в путь! Но что поделаешь? Ведь надо удовлетворять современные требования репортажа — как можно больше свежих и живых новостей!

Между тем, я постарался запастись самыми разнообразными сведениями—и географическими, и этнографическими—относительно Закавказской области. Стоило ли мне в таком случае узнавать, что меховая шапка, какую обычно носят горцы и казаки, называется «папахой», что стянутую в талии верхнюю одежду с пришитыми на груди гнездами для патронов одни называют «черкеской», а другие «бешметом»? К чему мне теперь знать, что грузины и армяне надевают островерхие шапки в виде сахарной головы, что купцы носят «тулупы»—нечто вроде шубы из бараньей шкуры, а курды или парсы¹ щеголяют в «бурках»—накидках из пушистой непромокаемой ткани.

А «тассакрави»—головной убор прелестных грузинок, состоящий из тонкой ленты, шерстяной вуали и кисеи, который им так к лицу! А их яркие платья с широкими прорезями на рукавах; их «шальвары», опоясанные у талии; летние одежды из белой бумажной ткани, а особенно зимние—из бархата, отороченные мехом и украшенные серебряными позументами и, наконец, «чадра», закрывающая голову до глаз. Все это я старательно занес в свою запис-

---

¹ Парсы—приверженцы парсизма (или иначе—зороастризма), религии древних народов Средней Азии, Закавказья и Персии. Основателем считается мифический пророк Заратуштра (Зороастр).

ную книжку, но к чему мне теперь рассказывать о грузинских модах?

И все же, хочется вам сообщить, что в национальные оркестры входят «зурны»—нечто вроде пронзительных флейт-«саламури», напоминающие писклявые кларнеты, мандолины с медными струнами, по которым водят пером, «чианури», своеобразные скрипки, которые во время игры держат вертикально между колен, и наконец, «димплипито»—род цимбал, грохочущих словно град по оконным стеклам.

Примите также к сведению, что «шашка»—ничто иное, как сабля, висящая на перевязи, расшитой серебром и украшенной металлическими инкрустациями; что «кинжал» или «канджиар»—нож, который носят на поясе и что вооружение кавказского солдата дополняется еще длинным ружьем с узорчатой чеканкой на стволе из дамасской стали.

Могу еще вам сказать, что «тарантас»—это дорожная повозка на пяти деревянных рессорах, расположенных между широко расставленными небольшими колесами, что запрягают в нее тройку лошадей, а правит ими «ямщик», сидящий впереди на козлах. Когда же приходится брать у «смотрителя»—то есть начальника почтовой станции на Кавказских дорогах—четвертую лошадь, то к ямщику присоединяют еще одного возницу—«форејтора».

Так знайте же, что верста равна одному километру шестидесяти семи метрам, что кроме оседлых народностей в Закавказьи есть и кочевые: калмыки—их насчитывается пятнадцать тысяч, киргизы мусульманского вероисповедания—восемь тысяч, кундровские татары—тысяча сто человек, сартовские татары—сто двенадцать человек, ногайцы—восемь тысяч пятьсот и, наконец, туркмены—около четырех тысяч!¹

И вот, после того, как я так добросовестно изучил Грузию, какой-то «указ» заставляет меня ее покинуть. У меня даже не хватает времени подняться на вершину Арарата, где на сороковой день всемирного потопа остановился Ноев ковчег, этот первобытный баркас знаменитого библейского патриарха!

Ничего не поделаешь, придется отказаться от публика-

---

¹ Нужно учесть, что Клодиус Бомбарнак приводит давно уже устаревшие сведения.

ции моих путевых заметок о Закавказьи и потерять добрую тысячу строк, для которых в моем распоряжении было не менее тридцати двух тысяч полноценных слов, признанных Французской Академией¹.

Это жестоко, но спорить не приходится!

Прежде всего, я должен узнать, в котором часу выходит из Тифлиса Каспийский поезд.

Тифлисский вокзал — железнодорожный узел, соединяющий три ветки: Западную, которая кончается в Потийском порту на Черном море, где высаживаются пассажиры, приезжающие из Европы; Восточную, идущую до Баку, откуда отбывают пассажиры, которым нужно переправиться через Каспий, и недавно проложенную линию Владикавказ — Тифлис, и длиною в сто шестьдесят четыре километра, связывающую Северный Кавказ с Закавказьем. Эта линия на высоте четырех тысяч пятисот футов пересекает Архотское ущелье, соединяя грузинскую столицу с рельсовыми путями Южной России.

Я бегу на вокзал и врываюсь в зал отправления.

— Когда отходит бакинский поезд? — спрашиваю я у железнодорожного служащего.

— А вы едете в Баку? — отвечает он вопросом на вопрос и окидывает меня через свое окошечко таким неодобрительным, строгоофициальным взглядом, какой всегда сверкает из-под козырька русской форменной фуражки.

— Полагаю, — сказал я, с несколько излишней живостью, — что ездить в Баку не возбраняется?

— Не возбраняется, — сухо ответил он, — но при условии, что паспорт у вас будет в полном порядке.

— Он и будет в порядке, — обрезал я этого грозного чиновника, который, как и все они на святой Руси, скорее походил на жандарма.

И я снова спрашиваю, когда отходит бакинский поезд.

— В шесть часов вечера, — отвечает он.

— А когда прибывает на место?

— На завтра, в семь утра.

— А я поспею на пароход, отправляющийся в Узун-Ада?

---

¹ Имеется в виду нормативный словарь французского языка, выпущенный Французской Академией.

— Поспееете.

И чиновник механическим кивком отвечает на мой поклон.

Вопрос с паспортом меня совсем не тревожит: французский консул снабдит меня всеми документами, которые требует русская администрация. Но выехать нужно в шесть часов вечера, а теперь уже девять утра!

Что ж, если в некоторых путеводителях сказано, что Париж можно осмотреть за два дня, Рим — за три, а Лондон за четыре, то будет очень странно, если для Тифлиса не хватит нескольких часов.

Чорт побери, на то я и репортер!

Моя газета потому и послала меня в Россию, что я бегло говорю по-русски, по-английски и по-немецки. Нельзя же требовать от репортера, чтобы он знал несколько тысяч наречий, которые служат средством для выражения мысли во всех частях света! Впрочем, владея этими тремя языками и еще французским впридачу, смело можно разъезжать по обоим континентам. Правда, есть еще турецкий язык, из которого я запомнил всего несколько выражений, и китайский, на котором я не могу обмолвиться ни единым словом. Но, думаю, что легко обойдусь и без них в Туркестане и Небесной Империи. Недостатка в переводчиках не будет, и я надеюсь не упустить ни одной интересной подробности из моего путешествия по Великой Трансазиатской магистрали.

Я умею видеть все и все увижу! Скажу откровенно, я принадлежу к тому сорту людей, которые считают, что все на свете служит материалом для репортажа и что земля, луна, небо и сама вселенная только для того и созданы, чтобы давать темы для газетных статей. Значит и мое перо не будет бездействовать!

Но прежде, чем приступить к осмотру Тифлиса, нужно покончить со всеми формальностями. К счастью, мне не придется добывать «подорожную», без которой нельзя было путешествовать по России в прежние времена, времена курьеров и почтовых лошадей. Этот всеильный документ устранял любые препятствия, обеспечивал быструю смену лошадей, вежливое обращение почтовых чиновников и такую скорость передвижения, что пассажир с хорошими рекомендациями мог проехать за восемь дней и пять часов

две тысячи семьсот верст, отделяющих Тифлис от Петербурга. Но как трудно было получить подорожную!

Теперь же достаточно иметь право на проезд — обыкновенный пропуск, свидетельствующий, что вы не вор, не убийца, не политический преступник, а являетесь тем, кого в цивилизованных странах принято считать порядочным человеком. Благодаря помощи, которую мне окажет французский консул, моя особа будет отвечать всем требованиям российской администрации.

Это стоило мне двух часов и двух рублей. Затем, наострив глаза и уши и взяв, как говорится, ноги в руки, я отдаюсь осмотру грузинской столицы. Я не переношу проводников и отлично обхожусь без их услуг. По правде говоря, я и сам мог бы провести любого иностранца по всем закоулкам Тифлиса, так тщательно изученного мною заранее. Это уж от природы: я всегда свободно ориентируюсь.

И вот, иду я куда глаза глядят и прежде всего набредаю на «думу», здание муниципалитета, где заправляет всеми делами городской «голова» или, по-нашему, мэр. Если бы вы любезно согласились меня сопровождать, я повел бы вас к Красной горе на левом берегу Куры. Это местные Елисейские поля, нечто вроде сада Тиволи в Копенгагене или ярмарки на Бельвильском бульваре, с их качелями, равномерные взмахи которых вызывают ощущение, сходное с морской болезнью. И всюду среди пестрых ярмарочных балаганов расхаживают нарядно одетые грузинки и армянки, с непокрытыми лицами, что служит признаком христианского вероисповедания.

Что касается мужчин, то они не уступают Аполлону Бельведерскому, только одеты куда сложнее и выглядят, как настоящие князья. Я даже спрашиваю себя — не так ли это в действительности и не ведут ли они свой род от... Но к генеологии вернемся позже. А теперь продолжим нашу прогулку, да побыстрее. Одна потерянная минута — десять строк репортажа, а десять строк репортажа это... это зависит от щедрости газеты и великодушия ее редактора.

Но поспешим в большой караван-сарай. Там останавливаются купцы со всех концов азиатского континента. Я вижу, как подходит караван с армянскими товарами. А вот отправляется другой, и в нем торговцы из Персии и русско-го Туркестана. Как бы мне хотелось прибыть с одним и

пуститья в странствия с другим! Но это невозможно, и я очень сожалею. После прокладки Трансзиатской железной дороги почти исчезли нескончаемые вереницы всадников, пешеходов, лошадей, верблюдов, ослов и повозок. И все же я не боюсь, что от этого мое путешествие по Центральной Азии будет менее занятным. Репортер «XX века» сможет сделать его интересным!

А вот базары с тысячами разнообразных товаров из Персии, Китая, Турции, Сибири, Монголии. Какое изобилие тканей, привезенных из Тегерана, Шираза, Кандагара и Кабула! Чудесные по выработке и по сочетанию красок ковры, яркие шелка, которым, однако... далеко до лионских.

Соблазнюсь ли я?.. Ни за что! Путешествовать от Каспийского моря до Небесной Империи, увешаным пакетами — нет уж, увольте! Легкий чемоданчик в руке и дорожный мешок за плечами — этого вполне достаточно. А белье и всякие мелочи я добуду в пути, как делают всегда англичане.

А теперь остановимся перед знаменитыми тифлисскими банями, где используют воду горячих источников, достигающую шестидесяти градусов по Цельсию. Там применяются усовершенствованные способы массажа, гимнастические упражнения для выпрямления позвоночника и вправления костей. Мне вспомнилось, как красочно описывал тифлиские бани наш великий Дюма, чьи путешествия никогда не обходились без приключений. Он просто выдумывал их по мере надобности, этот гениальный предшественник современного репортажа — репортажа «на всех парах»¹. Но мне-то некогда подвергать себя массажу, вправлению костей и выпрямлению позвоночника!

А вот и «Hôtel de France»!² И где только не встретишь гостиниц с подобным названием! Я захожу и заказываю себе завтрак — завтрак по-грузински с кахетинским вином, от которого будто бы не хмелеют, если его не нюхать. Но это довольно затруднительно, так как подают его в сосуде с широким горлом, куда нос попадает раньше губ. Говорят,

---

¹ Знаменитый французский романист Александр Дюма (1803—1870) в свои путевые записки о России действительно ввел много выдумки и небылиц.

² Французская гостиница.

это любимый сорт вина уроженцев Закавказья. Что касается русских, то они люди воздержанные и довольствуются крепким чаем, впрочем, не без некоторого прибавления «водки», этой московской «воды жизни».¹

Как француз, и даже гасконец, я довольствуюсь тем, что выпиваю бутылку кахетинского, как мы пивали наш шато-лафит в те благословенные времена, когда солнце способствовало его изготовлению на склонах Поляка. И в самом деле, терпким кавказским вином очень приятно запивать вареную курицу с рисом, отчего это блюдо, называемое «пилавом», приобретает особый вкус.

С завтраком покончено. А теперь смешаемся с шестьюдесятью тысячами разноплеменных жителей грузинской столицы и углубимся в лабиринт ее узких извилистых улиц.

Выхожу на посыпанную песком площадь, где лежат сотни верблюдов, вытянув голову и подогнув передние ноги. А раньше их было видимо-невидимо. Но с тех пор, как построили Закаспийскую железную дорогу, число этих горбатых носильщиков заметно поубавилось. Разве могут протые выючные животные выдержать конкуренцию с багажными и товарными вагонами!

Спускаюсь по улицам и выхожу к набережной Куры, русло которой делит город на две неравные части. С обеих сторон громоздятся дома, лепятся друг на друга, возвышаются один над другим. Вдоль берегов расположены торговые кварталы. Везде царит оживление, торговцы разносят вино в мехах, надутых, как воздушные шары, и воду в бурдюках из буйволово́й кожи, к которым приделана кишка, напоминающая слоновий хобот.

Бреду дальше. *Ergare humanum est*², как обычно говорят ученики колледжей из Бордо, слоняясь по набережным Жиронды.

— Сударь,— обращается ко мне какой-то невзрачный, но с виду очень добродушный еврей, указывая на соседний дом, на мой взгляд самый заурядный, — вы иностранец?

— Несомненно.

---

¹ Водка по — французски — *l'eau de vie*, что буквально означает „вода жизни“.

² Человеку свойственно ошибаться (*лат.*) Здесь игра слов: ошибаться, заблуждаться и блуждать, сбиться с пути.

— Тогда остановитесь на минутку и полюбуйтесь этим домом.

— А чем тут любоваться?

— Как же, здесь жил знаменитый тенор Сатар, тот самый, что брал грудное контра-фа... А сколько ему платили за это!

Пожелав достойному патриарху взять контра-соль и получить за это еще больше, я стал подниматься на гору над правым берегом Куры, чтобы полюбоваться открывающейся оттуда панорамой.

Достигаю вершины, останавливаюсь на маленькой площадке и под мелодичные звуки стихов Саади, этого чудесного персидского поэта, которые с пафосом читает какой-то бродячий актер, начинаю обзирать закавказскую столицу. То же самое я собираюсь повторить через две недели в Пекине, а пока в ожидании пагодиямыней Небесной Империи, осматриваю то, что открывает взору Тифлис: крепостные стены, колокольни храмов, принадлежащих разным исповеданиям, архиерейский собор с двойным крестом на куполе, дома русской, персидской или армянской архитектуры; вместо крыш все больше террасы, почти нет фасадов, украшенных орнаментом, но зато везде открытые веранды и балконы, прикрепленные к стенам всех этажей; выделяются две резко разграниченные полосы зданий: нижняя, в старом грузинском стиле, и верхняя, более современная, пересеченная длинным бульваром, усаженным красивыми деревьями, среди которых вырисовывается дворец генерал-губернатора — князя Барятинского... В общем получается впечатление неправильного, капризного, полного неожиданностей рельефа, какого-то чуда неровности, обрамленного на горизонте величественной горной грядой.

Но скоро уже пять часов. Пора прервать этот поток описательных фраз. Спускаясь в город, спешу на вокзал.

На вокзале столпотворение: армяне, грузины, мингрелы, татары, курды, евреи, русские с берегов Каспийского моря. Одни берут билеты до Баку, другие — до промежуточных станций.

На этот раз ко мне трудно придрататься. Ни чиновник, похожий на жандарма, ни даже сами жандармы не смогли воспрепятствовать моему отъезду.

Я получаю билет в вагоне первого класса до Баку, вы-

хожу на платформу и направляюсь прямо к поезду. Следуя своей привычке, устраиваюсь в уголке довольно комфортабельного купе. За мной входят еще несколько пассажиров, а вся пестрая разноязычная толпа заполняет вагоны второго и третьего класса. Обход контролера, и двери закрываются. Последний удар колокола возвещает отправление...

Вдруг раздаются возгласы, в которых гнев смешивается с отчаянием. Кто-то кричит по-немецки:

— Подождите!.. Подождите!..

Опускаю окно и смотрю.

Толстый мужчина с чемоданом в руке и нахлобученной на голову шалкой-каскай мчится во всю прыть, задыхаясь и путаясь в складках широкого плаща. Он опаздывает.

Железнодорожные служащие пытаются его остановить. Но где там! Попробуйте удержать летящую бомбу. И на этот раз, как всегда, сила оказывается выше права.

Тевтонская бомба описывает параболу и врывается в соседнее купе через дверь, вовремя открытую каким-то любезным пассажиром.

В ту же секунду поезд вздрагивает, трогается с места и постепенно набирает скорость...

Путешествие началось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Должен вам сказать, что отбыли мы с трехминутным опозданием. Репортер, не признающий точности, подобен геометру, пренебрегающему в своих вычислениях десятой долей величины. Три минуты опоздания и помогли энергичному немцу стагь нашим попутчиком. Я чувствую, что он даст хороший материал для моих путевых заметок.

В мае под этими широтами в шесть часов вечера еще совсем светло. Я достаю справочник и сверяюсь с приложенной к нему картой, которая позволяет проследить, станция за станцией, весь маршрут от Тифлиса до Баку. Не знать, в каком направлении движется поезд и когда локомотив поворачивает на северо- или на юго-восток, было бы для меня невыносимым, тем более, что скоро наступит ночь, а глаза мои не приспособлены к темноте, как у домашних кошек, филинов и сов.

Из моего путеводителя я прежде всего узнаю, что рельсовая дорога почти параллельна гужевой, соединяющей Тифлис с Каспийским морем. Обе они проходят через Навтлуг, Пойли, Акстафа, Долляр, Елизаветполь¹, Кюрдамир, Аляты, Баку и пересекают долину Куры. Железнодороге ни в коем случае не следует уклоняться в сторону. По возможности она должна идти по прямой линии. Закавказская дорога полностью отвечает этим требованиям.

Среди перечисленных станций мое внимание привлекает одна — Елизаветполь. До получения депеши от «XX века» я предполагал провести там целую неделю. Такие соблазнительные описания — и только пятиминутная остановка между двумя и тремя часами ночи! Вместо сверкающего под солнечными лучами гордского пейзажа увидеть лишь неясные очертания, едва различимые при бледном свете луны!

Отложив в сторону справочник, я начинаю разглядывать своих попутчиков. Нас четверо, и мы, естественно, занимаем все четыре угла нашего купе. Я занял место у окна, по направлению движения поезда.

В разных углах, друг против друга дремлют двое пассажира. Едва войдя в вагон, они надвинули на глаза шапки и завернулись в одеяла. Насколько я мог догадаться — это грузины и, по-видимому, из породы тех счастливых путешественников, которые способны спать всю дорогу и проснуться лишь по прибытии на место. Из таких людей ничего не вытянешь, для них вагон — не средство передвижения, а просто постель.

Напротив меня — мужчина лет тридцати двух-тридцати пяти, совсем иного типа. В нем нет ничего восточного: рыжая борода, очень живой взгляд, нос как у гончей, рот, готовый заговорить в любую минуту, руки — обменяться с кем угодно дружеским рукопожатием; это человек высокий, стройный, широкоплечий, с могучим торсом. Уже по одному тому, как он расположился, поставил саквояж и расстегнул клетчатую шотландскую куртку, я узнал англосаксонского „travellera“², привыкшего к продолжительным путешествиям и проводящего больше времени в поезде

---

¹ Прежнее название Кировабада.

² Traveller (англ.) — путешественник, комивояжер.

или в каюте парохода, нежели в своем собственном комфортабельном „home“¹, если предположить, что таковой у него имеется. Должно быть, он разъезжает по торговым делам. Я с любопытством наблюдаю, как он выставляет напоказ целую витрину драгоценностей: перстни на пальцах, булавку в галстук, запонки с искусно вделанными в них фотографическими видами городов, часовую цепь на жилете с бряцающими на ней брелоками. Хотя у него нет ни серег в ушах, ни кольца в носу, я не удивлюсь, если он окажется американцем, больше того, настоящим янки.

Вот мне и не придется сидеть сложа руки. Разве не долг репортера, которому необходимо получить очередное интервью, прежде всего разузнать, кто его попутчики, откуда и куда они едут? Итак, начну с моего соседа по купе. Полагаю, что это будет совсем не трудно. Он не собирается ни спать, ни заниматься созерцанием ландшафта, освещенного лучами заходящего солнца. Если я не ошибаюсь, он настолько же расположен мне отвечать, как я задавать ему вопросы, и наоборот.

Я готов уже приняться за дело... Но тут меня останавливает опасение. А что если этот американец — могу держать пари, что он американец, — окажется репортером, посланным каким нибудь «World» или «New-York Herald»² по пути следования Трансазиатского поезда? Это привело бы меня в ярость. Нехватало мне только соперника!

Я продолжаю колебаться. Спросить или не спросить? Скоро наступит ночь. Наконец, решившись, я собираюсь открыть рот, но сосед меня опережает.

— Вы француз? — спрашивает он на моем родном языке.

— Да, сэръ, — отвечаю я по-английски.

Теперь-то мы найдем общий язык!

Лед был сломан, и с той и с другой стороны посыпались вопросы. Поневоле вспомнишь восточную поговорку: «Глупец за один час задаст больше вопросов, чем умный за год».

Но так как ни я, ни мой попутчик не выдаем себя за

---

¹ Home (англ.) — дом.

² „World“ (англ.) — „Весь мир“, „New-York Herald“ (англ.) — „Нью-Йоркский вестник“ — американские газеты.

мудрецов, то мы можем болтать, сколько бог на душу положит, перемешивая идиомы¹ обоих наших языков.

— Wait a bit! — говорит мой американец.

Я подчеркиваю этот оборот, так как он будет часто повторяться.

— Wait a bit! Готов биться об заклад — один против десяти, что вы репортер!..

— И вы выиграете!.. Да.. действительно репортер. Газета «XX век» поручила мне ознакомиться с новым маршрутом и подробно рассказать обо всех дорожных приключениях.

— Вы едете до Пекина?

— Да, до Пекина.

— Также, как и я, — замечает янки.

Этого то я и боялся.

— Мы коллеги? — спрашиваю я, настороженно сдвинув брови.

— Нет... Успокойтесь, сударь... Наши интересы не соприкасаются.

— Клодиус Бомбарнак из Бордо. Рад случаю путешествовать вместе с мистером...

— Фульк Эфринель из торгового дома Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, США.

Он не забыл добавить — США.

Вот мы и представились друг другу. Я — охотник за новостями, а он — искатель... Но чего? Это мне и остается узнать.

Беседа продолжается. Фульк Эфринель, как легко догадаться, понемногу путешествовал везде и, по его словам, «даже дальше». Он знает обе Америки и почти всю Европу. Но в Азию он отправляется впервые. И он все говорит, все говорит, и повторяет свое неизменное „Wait a bit!“. Не обладает ли Гудзон тем же свойством, что и Гаронна, поставляющая свету хорошо подвешенные языки?

Он болтал без умолку в течение двух часов. Мне едва удавалось различать названия станций, которые объявлялись на каждой остановке: Навтлуг, Пойли и другие. А ведь

¹ Идио́ма — своеобразное выражение, свойственное только данному языку.

² Подождите немного! (английское выражение).

я так хотел полюбоваться пейзажами при лунном свете и попутно кое-что записать в свою памятную книжку.

К счастью, мой собеседник уже проезжал по восточным провинциям Грузии. Он обращает мое внимание на особенности местного ландшафта, указывает селения, реки, проступающие где-то на горизонте силуэты гор. А я еле успеваю все это заметить. Противная вещь железная дорога! Едешь, прибываешь на место, ничего толком не увидев в пути.

— Разве это путешествие?! — восклицаю я. — То ли дело езда на почтовых, на тройке, в тарантасе, с забавными встречами на постоянных дворах, переменами лошадей, водкой, которую хлещут ямщики, а иногда... и с «благородными разбойниками», подстерегающими вас на пути! Впрочем, разбойников с большой дороги в наш век становится все меньше и меньше, и скоро они окончательно исчезнут.

— Господин Бомбарнак! — обращается ко мне Фульк Эфринель. — Неужели вы серьезно обо всем этом жалеете?

— Совершенно серьезно, — отвечаю я. — Вместе с преимуществами прямого рельсового пути, мы потеряли живописность наших прежних дорог, причудливо извилистых, образующих кривые и ломаные линии. И скажите на милость, господин Эфринель, разве вы не чувствуете никакого сожаления, читая о путешествиях по Закавказью, совершенных лет сорок назад? Увижу ли я хоть одну из деревень, населенных казаками, одновременно и воинами, и земледельцами? Смогу ли я полюбоваться кавказскими играми, которые приводили в восхищение всех туристов, особенно «джигитовкой», когда всадники, стоя на лошадях, без промаха мечут кинжалы и разряжают pistols; и те же джигиты составляют ваш эскорт, если вы путешествуете в обществе русского чиновника или офицера из «станции».

— Не спорю, мы действительно теряем много интересного, — отвечает мой янки. — Но зато, благодаря этим железным лентам, которые в конце концов опояжут весь земной шар, как бочку с сидром или матерчатый мячик, мы за тринадцать дней преодолеем расстояние от Тифлиса до Пекина. Поэтому, если вы рассчитывали на приключения, искали развлечений...

— Разумеется, господин Эфринель!

— Иллюзии, господин Бомбарнак! Ни с вами, ни со мной

ничего особенного не случится. Wait a bit! Я предрекаю вам самое монотонное, самое прозаическое, самое будничное и, наконец, самое скучное путешествие, плоское, как Каракумские степи, которые мы пересекаем в Туркестане, ровное, как пустыня Гоби, которую мы пересекаем в Китае.

— Поживем — увидим. Ведь я путешествую только для того, чтобы развлечь моих читателей...

— Я же путешествую только ради своих собственных дел, — заявляет янки.

Из этого ответа я заключаю, что Фульк Эфринель безусловно не будет тем попутчиком, о котором я мечтал. Он должен продавать свои товары, а я не собираюсь их покупать.

Теперь мне ясно, что за время долгого пути между нами не возникнет никакой сердечной близости. Судя по всему, это один из тех янки, о которых можно сказать, что когда они держат доллар за зубами, то его уже оттуда не вытянешь... Да и вообще я из него не вытяну ничего стоящего.

Хоть он и сообщил мне, что является представителем торгового дома Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке, но я понятия не имею, что это за фирма. А послушать этого американского дельца, поневоле покажется, что весь мир должен быть осведомлен о процветании торгового дома Стронг Бульбуль и К°. Как же так могло получиться, что я, репортер, в чьи обязанности входит знать обо всем понемногу, проявил такое невежество?

Чувствуя себя пристыженным, я собрался уже подробно расспросить Фулька Эфринеля, чем занимается его фирма, но тут он сам обратился ко мне:

— Скажите, господин Бомбарнак, а вы бывали когда-нибудь в Соединенных Штатах?

— Нет, господин Эфринель, не приходилось.

— А вы собираетесь когда-нибудь в нашу страну?

— Все может случиться.

— Так вот, когда будете в Нью-Йорке, не забудьте как следует изучить торговый дом Стронг Бульбуль и К°.

— Изучить?

— Да, это именно то слово.

— Хорошо, я не премину последовать вашему совету!

— И вы сами убедитесь, что это одно из самых замечательных промышленных предприятий Нового Света.

— В этом я несколько не сомневаюсь, но не могу ли я узнать?..

— Wait a bit, господин Бомбарнак! — с воодушевлением подхватывает Фульк Эфринель. — Представьте себе огромный завод, просторные помещения для изготовления и сборки деталей, машину, мощностью в полторы тысячи лошадиных сил, вентиляторы, делающие шестьсот оборотов в минуту, генераторы, ежедневно пожирающие сотню тонн угля, трубу, высотой в четыреста пятьдесят футов, обширные склады для готовой продукции, которую мы распространяем в пяти частях света; одного главного директора, двух заместителей директора, четырех секретарей, восемь помощников секретарей, персонал, состоящий из пятисот служащих и девяти тысяч рабочих, целый легион разъездных агентов — среди них и ваш покорный слуга! — включивших в сферу своей деятельности Европу, Азию, Африку, Австралию, Америку; наконец, колоссальное количество деловых операций и годовой оборот, превышающий сто миллионов долларов! И все это, господин Бомбарнак, все это для того, чтобы изготовлять миллиарды, да, я не оговорился, миллиарды...

В эту минуту заработали автоматические тормоза, поезд стал замедлять ход, затем остановился.

— Елизаветполь!.. Елизаветполь! — разом закричали кондуктор и вокзальные служащие.

Наша беседа оказалась прерванной. Я опускаю окошко со стороны своего дивана и открываю дверцу. Очень хочется размять ноги. Фульк Эфринель выйти из вагона не желал.

И вот я шагаю по платформе. Вокзал прилично освещен. Человек десять пассажиров уже высадились со своей поклажей. Пять-шесть грузин топчутся на подножках вагонов.

Десять минут стоянки в Елизаветполе, больше железнодорожное расписание не отпускает.

При первом ударе колокола я подхожу к нашему вагону, поднимаюсь к себе и с удивлением убеждаюсь, что мое место занято. Да... напротив американца уселась какая-то особа с той англо-саксонской бесцеремонностью, которой нет границ, как нет границ бесконечности. Молода она или стара? Красива или уродлива? В темноте это устано-

вить невозможно. Но как бы там ни было, французская галантность не позволяет мне спорить из-за места, и я сажусь рядом с незнакомкой, которая даже не находит нужным извиниться.

А Фульк Эфринель между тем успел заснуть, оставив меня в неведении, какие именно изделия фабрикует миллиардами и поставляет всему миру знаменитая фирма Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке...

Поезд грогается. Елизаветполь остается позади. Что же увидел я в этом прелестном городке с двадцатью тысячами жителей, расположенном в ста семидесяти километрах от Тифлиса на Ганжачае, притоке Куры, в городке, который, следуя своему обычному методу, я предварительно успел изучить?.. Где они, утопающие в зелени кирпичные домики, где развалины старинных зданий, где красивая мечеть, построенная в начале XVIII века, как выглядит Майданская площадь? Мне едва удалось разглядеть в полутьме верхушки высоченных платанов — гнездовье ворон и дроздов, источник тени и прохлады в знойные летние дни. А на берегах бурной речки, несущей свои серебристые воды вдоль главной улицы города, я заметил несколько домов с палисадниками, похожими на зубчатые крепости. В памяти моей остались лишь какие-то неясные контуры, едва различимые сквозь клубы пара, извергаемые нашим локомотивом. Но почему эти строения выглядят так, будто они готовы к обороне? Да потому, что Елизаветполь подвергался частым набегам ширванских лезгин-горцев, которые, если верить источникам, ведут свое начало еще от гуннов времен Атиллы¹.

Было около полуночи. Мною овладела усталость, клонило ко сну, но как опытный репортер я решил, что буду спать одним глазом и одним ухом.

Все же я впал в дремоту, которую навеивает равномерный стук колес, прерываемый пронзительными свистками, лязгом буферов при уменьшении скорости и оглушительным грохотом, когда встречаются два поезда. К тому же во время коротких остановок громко объявляются названия станций и с металлической резкостью хлопают двери.

---

¹ Атила — предводитель гуннов, вторгшихся в Европу в V веке.

Так я слышал как называли Геран, Евлах, Ляки, Уджары, Кюрдамир, затем Карасу, Наваги... Я тянулся к окну, но ничего не мог увидеть, ведь я был бесцеремонно вытеснен со своего места в углу.

И я начинаю ломать голову, что же скрывается за этим ворохом вуалеток, накидок и юбок, занимающих мое место. Но вопрос остается без ответа. Будет ли эта пассажирка моей попутницей до самого конца Великого Трансазиатского пути? Обменяюсь ли я с ней дружеским поклоном на улицах Пекина? Затем от спутницы мысли мои переносятся к спутнику, который храпит в своем углу с такой невероятной силой, что мог бы смело заменить один из вентиляторов в торговом доме Стронг Бульбуль и К°. Но что же, черт возьми, производится на этом колоссальном предприятии Соединенных Штатов Америки? Железные или стальные мосты, локомотивы, броневые плиты, паровые котлы или рудничные насосы? Из того, что мне рассказывал американец, у меня сложилось представление о промышленном гиганте, который может соперничать с заводами Крезо, Кокерилля или Эссена. Если только этот Фульк Эфринель ничего не приврал, ведь он совсем не похож на тех, кого в его стране называют «зелеными».

Но вскоре я погружаюсь в сон, забываю обо всем на свете и даже не слышу храпа моего янки. Тем временем поезд приходит на станцию Аляты, делает десятиминутную остановку, отправляется дальше, а я ничего этого не слышу. Какая досада! Ведь Аляты — маленький портовый город, откуда я мог бы окинуть первым взглядом Каспийское море, увидеть места, по которым проходила армия Петра Великого... Добавить еще немного сведений из Буйе и Ларусса¹ и хватило бы материала на два столбца историко-фантастической хроники.... Впрочем, чтобы дать толчок моему воображению, вовсе не обязательно было посетить эту страну и ее столицу.

.....
— Баку! Баку!..

Меня разбудили крики.

Было семь часов утра.

---

¹ Издатели энциклопедических словарей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пароход отходит в три часа дня. Те из моих спутников, которые собираются пересечь Каспийское море, торопятся на пристань. Нужно занять каюту или заготовить место на палубе.

Фульк Эфринель тотчас же покидает меня:

— Мне нельзя терять ни одной минуты, — говорит он. — Я должен срочно переправить свой багаж на пароход.

— А он у вас велик?

— Сорск два ящика.

— Сорск два! — восклицаю я.

— И я сожалею, что не вдвое больше, — говорит янки. — Но с вашего разрешения...

Он торопился так, будто ему предстояло переплыть не Каспийское море, а Атлантический океан и пробыть в пути не двадцать четыре часа, а восемь суток.

Можете мне поверить, что американец даже и не подумал предложить руку нашей незнакомке, чтобы помочь ей выйти из вагона. Это сделал за него я. Путешественница, опираясь на мою руку, медленно опускается на платформу. В награду за это я получаю лишь отрывистое «thank you, sir»¹, произнесенное с поистине британской сухостью.

Теккерей сказал где-то, что благовоспитанная англичанка — совершеннейшее создание бога на земле. Я готов проверить это галантное изречение на нашей попутнице. Наконец-то она подняла вуалетку. Кто она, молодая дама или старая дева? У англичанок никогда этого не поймешь.

На вид ей можно дать лет двадцать пять. Лицо у нее бесцветное, походка угловатая, пышное платье вздымается, как волна во время равнодействия. Она без очков, хотя ее голубые глаза близоруко щурятся. На мой почтительный поклон она отвечает небрежным кивком, приведя в движение только позвонки своей длинной шеи, и размашистым шагом направляется к выходу.

Вполне возможно, что мы еще встретимся с ней на борту парохода. Но на пристань я спущусь перед самым отплытием. Раз уж случай привел меня в Баку и в моем распоряжении есть только полдня для его изучения, то нельзя потерять даром ни одного часа.

---

¹ Благодарю вас (англ.).

Название этого города, пожалуй, не вызовет никакого любопытства у читателя. Но, быть может, у него разыграется воображение, если я скажу, что Баку — это город гебров¹, парсов, столица огнепоклонников.

Окруженный тройным рядом зубчатых стен, Баку расположен на Апшеронском полуострове, у крайних отрогов Кавказского хребта. Где я нахожусь, в Персии или в России?.. Конечно, в России — раз Грузия является русской провинцией, но можно подумать, что и в Персии — настолько Баку сохранил свой персидский колорит². Я осматриваю ханский дворец, архитектурный памятник времен Шахрияра и Шахразады, «дочери луны» и искусной рассказчицы. Тонкая скульптура во дворце так свежа, будто только что вышла из-под резца ваятеля. Дальше, по углам старой мечети, куда можно войти, не снимая обуви, поднимаются стройные минареты. Правда, муэдзин не поет там в часы молитвы звучные стихи из Корана. К тому же в Баку есть и вполне русские и по внешнему виду, и по господствующим нравам кварталы, застроенные деревянными домами, без всякой восточной окраски; и внушительный железнодорожный вокзал, достойный любого большого города Европы или Америки; и вполне современный порт в новой части города, где сотни труб загрязняют атмосферу густым дымом от каменного угля, сжигаемого в паровых топках.

Вы вправе спросить, зачем употребляется уголь в этом городе нефти? К чему это топливо, если голая и бесплодная почва Апшеронского полуострова, на которой растет лишь понтийская полынь, так богата минеральными маслами? Здесь можно добыть столько дешевой нефти, что даже при самом большом расходе ее не исчерпать в течение столетий.

Поистине чудо природы! Хотите моментально получить освещение или отопление? Нет ничего проще; стоит только сделать отверстие в почве, оттуда вырвется газ, и смело зажигайте его. Вот вам естественный газгольдер, доступный для любого кармана!

---

¹ Гебры — потомки древних персов, придерживающиеся учения Зороастра. См. сноску к слову парсы на стр. 4.

² С XVI до начала XVIII вв. Баку находился под властью персов.

Мне хотелось посетить знаменитое святилище Атеш-Гах, но оно находится в двадцати двух верстах от города, и я бы не успел обернуться. Там горит вечный огонь, уже сотни лет поддерживаемый парсийскими священниками, выходцами из Индии, которые не едят животной пищи. В других странах этих убежденных вегетарианцев считали бы просто любителями овощей.

И тут я вспоминаю, что еще не завтракал, и, так как бьет одиннадцать часов, поворачиваю к вокзальному ресторану, ибо отнюдь не собираюсь следовать вегетарианскому режиму парсийских жрецов.

При входе в зал сталкиваюсь с выбежавшим оттуда Фульком Эфринелем.

— А завтрак?.. — спрашиваю я его.

— С ним уже покончено, — отвечает он.

— А ваш багаж?

— Остается еще погрузить на пароход двадцать девять ящиков... Но, простите, я не могу терять ни минуты. Раз уж на мою долю выпала честь представлять интересы торгового дома Стронг Бульбуль и К°, который еженедельно экспортирует по пять тысяч ящиков готовой продукции...

— Бегите, бегите, господин Эфринель, мы увидимся на палубе. Кстати, вы не встречали нашу попутчицу?

— Какую попутчицу?

— Молодую даму, которая заняла мое место в купе.

— Так вы говорите, с нами ехала молодая дама?..

— Да.

— Только сейчас узнаю об этом, господин Бомбарнак, узнаю только сейчас...

И американец, переступив порог, скрывается за дверь. Но я не теряю надежды узнать еще до прибытия в Пекин, чем занимается фирма Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке. Пять тысяч ящиков еженедельно... Какая производительность и каков сбыт!

Наскоро позавтракав, я опять отправляюсь в поход. Во время прогулки мне представляется возможность полюбоваться лезгинами во всем их великолепии: серые черкески с патронташами на груди, бешметы из ярко-красного шелка, гетры, вышитые серебром, плоские сапожки без каблуков, белая папаха на голове, длинное ружье через плечо, шашка

и книжал на поясе; короче говоря, они вооружены до зубов и производят весьма внушительное впечатление.

Уже два часа. Пора идти на пристань. По дороге нужно еще завернуть на вокзал за моим легким багажом, оставленным в камере хранения.

И вот, с чемоданом в одной руке и с тросточкой в другой, я спускаюсь по улице, ведущей к причалу.

На одной из площадей, где крепостная стена открывает проход на набережную, мое внимание невольно привлекают двое людей — мужчина и женщина — в дорожных костюмах. Мужчине можно дать лет тридцать-тридцать пять, женщине — от двадцати пяти до тридцати. Он — седеющий брюнет, с подвижной физиономией, быстрым взглядом, легкой, балансирующей походкой. Она — довольно красивая голубоглазая блондинка, с вьющимися волосами и уже немного поблекшим лицом. Ее яркое старомодное платье отнюдь не свидетельствует о хорошем вкусе. По-видимому, это супруги, только сейчас прибывшие тифлисским поездом, и если интуиция не обманывает меня — мои соотечественники.

Несмотря на то, что я рассматриваю их почти в упор, они меня не замечают, да и не могут заметить: в руках у них саквояжи, под мышками — трости, дождевые и солнечные зонтики, за плечами — подушки и одеяла. Они постарались захватить с собой как можно больше самых разнообразных вещей, чтобы не сдавать на пароходе в багаж. Я испытываю большое желание помочь им. Разве это не счастливый и редкий случай — встретить французов вдали от Франции?

Но в ту минуту, когда я хочу с ними заговорить, вновь появляется Фульк Эфринель, увлекает меня за собой, и я оставляю супружескую пару позади. Но еще не все потеряно. Я успею с ними познакомиться на пароходе.

— А как идет погрузка вашего багажа? — спрашиваю я у янки.

— В настоящий момент переправляем тридцать седьмой ящик.

— И пока без приключений?

— Без всяких приключений.

— А нельзя ли узнать, что находится в ваших ящиках?

— Что в них находится?.. Вот он, вот он тридцать седь-

мой! — восклицает Фульк Эфринель и бежит навстречу подводе, выехавшей на пристань.

На набережной шумно и многолюдно, как обычно бывает в порту при высадке и посадке. Баку — самый крупный торговый и пассажирский порт на Каспийском море, вернее, большом озере, так как оно не сообщается с соседними морями. Дербент, лежащий севернее, не может идти ни в какое сравнение с Баку, где производится наибольшее количество торговых операций. Нечего и говорить, что с основанием порта в Узун-Ада, на противоположном берегу Каспия, бакинский транзит увеличился в десять раз. Закаспийская дорога, открытая для пассажирских и товарных перевозок, стала теперь главным торговым путем, соединяющим Европу с Туркестаном.

Быть может, в недалеком будущем вдоль персидской границы пройдет еще одна магистраль, которая свяжет рельсовые пути южной России с железными дорогами Индии, и тогда пассажирам уже не нужно будет переправляться через Каспийское море. А когда этот обширный замкнутый бассейн высохнет вследствие интенсивного испарения, то почему бы не проложить рельсы по его песчаному дну, чтобы поезда могли ходить без пересадки от Баку до Узун-Ада?

Но это еще вопрос проблематический, а пока что нужно сесть на пароход, что я и делаю, присоединившись к толпе пассажиров.

Наш пароход называется «Астра» и принадлежит обществу «Кавказ и Меркурий». Это большое колесное судно, делающее рейсы от берега к берегу три раза в неделю. Широкое в корпусе, оно приспособлено прежде всего для перевозки грузов, и строители скорее позаботились о размещении тюков, чем об удобстве пассажиров. Однако, когда речь идет о путешествии продолжительностью в одни сутки, привередничать не стоит.

У причала шумная толпа. Одни уезжают, другие провожают, третьи пришли просто так поглазеть. Среди пассажиров больше всего туркменов, затем десятка два европейцев различных национальностей, несколько персов и даже двое уроженцев Небесной Империи. Эти, очевидно, едут в Китай.

«Астра» битком набита всевозможными товарами. Ме-

ста в трюме не хватило, загромождена вся палуба. Для пассажиров отведена кормовая часть, но и там навалены тюки и ящики, прикрытые толстым просмоленным брезентом для защиты от волн.

Сюда сложили и багаж Фулька Эфринеля, который руководил погрузкой с энергией истого янки, решившего во что бы то ни стало не терять из виду свой драгоценный груз — кубические ящики длиной, шириной и высотой по два фута, старательно обтянутые лакированной кожей, с надписью, выгесненной крупными буквами: «Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке».

— Все ваши ящики на борту? — спрашиваю я у американца.

— Вот несут сорок второй и последний, — отвечает он.

Действительно, в эту минуту показался носильщик с упомянутым ящиком на спине. Мне кажется, что он слегка покачивается, то ли от тяжести груза, то ли от неумеренного употребления водки.

— Wait a bit! — кричит Фульк Эфринель. Затем, чтобы быть лучше понятым, он восклицает на хорошем русском языке:

— Осторожно!.. Осторожно!

Совет превосходный, но запоздалый. Носильщик делает неловкий шаг, ящик срывается с его плеч, падает... к счастью по эту сторону бортовых сеток «Астры», раскалывается на две части и по палубе рассыпается содержимое порванных бумажных пакетиков.

Какой негодующий крик испустил Фульк Эфринель! Каким тумачом наградил он неловкого носильщика, повторяя полным отчаяния голосом:

— Мои зубы!.. Мои бедные зубы!

И вот он, ползая на коленях, подбирает разлетевшиеся по узкому проходу изделия из искусственной слоновой кости, а я при виде этой забавной сцены не могу удержаться от смеха.

Итак, фирма Стронг Бульбуль и К° всего-навсего фабрикует зубы!

Так значит, это гигантское предприятие существует только для того, чтобы еженедельно поставлять пять тысяч ящиков зубов во все пять частей света! Так значит, машина мощностью в полторы тысячи лошадиных сил сжигает еже-

дневно сстию тонн угля только для того, чтобы снабжать искусственными зубами дантистов Старого и Нового Света и посылать их даже в Китай! Ничего не скажешь! Поистине американский размах!

Говорят, что население земного шара составляет тысячу четыреста миллионов душ, а если учесть, что на каждого человека приходится по тридцать два зуба, то в общем получится около сорока пяти миллиардов. Следовательно, если бы когда-нибудь пришлось заменить все настоящие зубы фальшивыми, то даже фирма Стронг Бульбуль и К^о не смогла бы справиться с таким делом.

Но предоставим Фульку Эфринелю собирать зубоветеринарные сокровища сорок второго ящика. Уже прозвучали последние удары гонга. Все пассажиры на борту. «Астра» собирается отчалить.

Вдруг со стороны набережной раздаются крики. Узнаю знакомый голос. Это кричит немец. То же самое я слышал в Тифлисе, когда отходил бакинский поезд.

И действительно, вот и сам путешественник. Он бежит, запыхавшись, он выбивается из сил. Но сходни уже подняты, и пароход медленно отделяется от дебаркадера. Что же будет с опоздавшим пассажиром? Но, на его счастье, он поспевает как раз в ту минуту, когда двое матросов собираются отдать последний швартов на корме «Астры». Они протягивают немцу руку и помогают вскочить на борт...

Судя по всему, этот толстяк всегда опаздывает, и я буду крайне удивлен, если он доберется до места назначения.

И вот уже «Астра» пенит воду своими могучими колесами и, удалившись от берега, покидает пределы порта.

Приблизительно в четырехстах метрах впереди судна я заметил какое-то странное кипение; оно вырывалось из глубины, волнуя поверхность моря. Я стоял в это время с сигарой в зубах у кормовых сеток левого борта, наблюдая, как за оконечностью Апшеронского мыса исчезает бакинский порт, а на западном горизонте вырисовывается Кавказская горная цепь.

От моей сигары остался лишь окурочек. Затянувшись последний раз, я бросил его за борт. И в ту же минуту корпус «Астры» окружила огненная пелена. Непонятное волнение создавалось, оказывается, подводным нефтяным источником. Достаточно было окурка, чтобы горячее воспламенилось...

Пассажиры поднимают крик. «Астра» идет сквозь за-
весу пламени, но резкий поворот руля выводит нас на без-
опасное место.

Капитан, спустившись на корму, ограничивается только
коротким замечанием:

— С вашей стороны это было очень неосторожно.

Я отвечаю ему, как отвечают всегда в таких случаях:

— Право же, капитан, я не знал.

— А надо было знать, сударь.

Эта фраза была произнесена в нескольких шагах от ме-
ня сухим и жестким голосом.

Я оглянулся.

Внушение сделала мне англичанка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не следует особенно доверять путевым впечатлениям.
Они всегда субъективны. Это слово я употребляю потому,
что оно стало модным, хоть и не очень-то понимаю его
смысл. Человек веселый на все посмотрит весело, мрачный—
увидит то же самое в мрачном свете. Демокриту берега
Иордана и Мертвого моря показались бы восхитительными, а
Гераклит нашел бы унылыми берега Босфора и окрестности
Неаполитанского залива.

У меня счастливый характер — да простит мне читатель,
если я грешу эгоизмом, то есть слишком часто напоминаю о
своей персоне. Но ведь редко, когда личность автора не
примешивается к гому, о чем он рассказывает — примером
служит Гюго, Дюма, Ламартин и многие другие писатели.
Шекспир, правда, составляет исключение, но я, как вы знае-
те, не Шекспир, и в равной мере не Ламартин, Дюма или
Гюго.

И все же, как ни враждебны мне пессимистические докт-
рины Шопенгауэра и Леопарди, признаюсь, что берега Кас-
пийского моря показались мне мрачными и неприветливы-
ми. Никакой жизни в этих местах, ни растительности, ни
птиц. Не чувствуешь здесь настоящего большого моря. Меж-
ду тем, хотя Каспий в сущности ничто иное, как озеро, ле-
жащее во впадине, на двадцать шесть метров ниже уровня
Средиземного моря, на озере этом часто бывают сильные
бури. Но пароходу там не приходится «спасаться бегством»,

как говорят моряки. Да и что значит ширина в какую-нибудь сотню лье! Живо достигаешь западного или восточного берега. Впрочем, ни на европейской, ни на азиатской стороне побережья почти нет удобных гаваней, где можно было бы укрыться от непогоды.

На борту «Астры» находится около сотни пассажиров, по большей части кавказцев, ведущих торговлю с Туркестаном. Они не последуют за нами до восточных границ Небесной Империи.

Закаспийская железная дорога уже несколько лет функционирует между Узун-Ада и китайской границей. Только между этим портом и Самаркандом насчитывается не менее шестидесяти трех станций. Значит, на этом участке пути сойдет с поезда большинство пассажиров. Интересы они для меня не представляют. Наблюдать за ними — только время терять. Допустим, что один из них привлек мое внимание. Я принимаюсь за него, хочу выведать «чем он живет и дышит», а он возьми, да исчезни на следующей станции.

Нет! Стоит заниматься только теми пассажирами, которые будут меня сопровождать до места назначения. У меня уже есть Фульк Эфринель и, может быть, эта обаятельная англичанка, которая, как мне кажется, едет до Пекина. В Узун-Ада я встречу и других попутчиков. Правда, до сих пор я ничего не знаю о французской супружеской чете. Но переправа через Каспий только началась, и я успею решить как с ними держаться. Есть еще двое китайцев, по-видимому, возвращающихся в свою Небесную Империю. Знай я хоть сотню слов из «гуаньхуа», их разговорного языка, я не преминул бы, конечно, вступить в беседу с этими любопытными личностями, до того типичными, словно они только что соскочили с китайской ширмы.

Кого действительно не хватает для моей хроники — персонажа, окруженного легендами, какого-нибудь таинственного героя, который путешествовал бы инкогнито, будь то знатный аристократ или обыкновенный бандит. Нельзя забывать, что мы, репортеры, играем двойную роль — и как ловцы интересных фактов, и как искатели объектов, достойных интервью... столько-то за строчку. А потому самое главное — уметь выбирать. Кто хорошо выбирает, тот и преуспевает.

Я спустился по трапу в кормовой салон. Ни одного сво-

бодного места. И каюты давно уже заняты пассажирами, которые не переносят ни бортовой, ни килевой качки. Они улеглись, как только попали на пароход, и встанут, когда он причалит к дебаркадеру в Узун-Ада. За недостатком кают, многие устроились на диванах, заваленных свертками, и от туда уже не сдвинутся. Подите-ка поищите романтического героя среди этих сонь, напуганных морской болезнью!

Я решил провести ночь на палубе и вернулся наверх. Американец все еще возился с пострадавшим ящиком.

— Вы только подумайте, — восклицает он, — вы только подумайте, этот пьяный мужик еще осмелился попросить у меня на чай!

— Надеюсь, господин Эфринель, что у вас ничего не пропало?

— К счастью... ничего!

— Позвольте спросить, сколько же зубов везете вы в Китай в этих ящиках?

— Миллион восемьсот тысяч, не считая зубов мудрости.

И Фульк Эфринель, отпустив остроту, которую, наверное, не раз уже употреблял в дороге, раздражается раскатистым смехом. Я покидаю его и прохожу через тамбуры на носовую часть палубы.

Небо довольно ясное, но свежий северный ветерок, кажется, крепчает. По поверхности моря стелятся длинные зеленоватые полосы. Возможно, что ночь будет сверх ожидания суровой. На носу парохода скопилось много пассажиров: туркмены в лохмотьях, узкоглазые киргизы, крестьяне-переселенцы — бедняки, растянувшиеся как попало на деревянных настилах, вдоль судовых переборок, среди просмоленной парусины. Почти все они курят или жуют припасенную на дорогу еду. Другие стараются забыть сном, чтобы прогнать усталость или заглушить голод.

Я хочу пройти сотню шагов, отделяющих меня от этих людей, и понаблюдать за ними в непосредственной близости. Ведь репортер подобен охотнику, который долго шныряет по кустам, прежде чем нападет на след. И вот я очутился перед грудой ящиков и окидываю их пытливым взглядом таможенника.

Замечаю большой деревянный ящик белого цвета, прикрытый брезентовым полотнищем, высотой около двух мет-

ров и по метру в ширину и глубину. Он водружен сюда с предосторожностями, которых требуют надписи на стенках, выведенные русскими буквами:

Осторожно, зеркала! — Хрупкое, не кантовать! — Беречь от сырости!

Кроме того, обозначено:

Верх и Низ

и указан адрес:

г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, провинция Чжили¹, Китай.

Судя по имени, эта Зинка Клорк, должно быть, румынка: она воспользовалась прямым Трансазиатским поездом, чтобы выписать себе зеркала. Неужели этого товара нет в магазинах Небесной Империи? Как же тогда китайки любуются своими миндалевидными глазами и сооружают замысловатые прически?

В шесть часов звонит колокол к обеду. Столовая — в носовой части судна. Спускаюсь туда и нахожу за столом около сорока человек.

Фульк Эфринель сидит почти посредине. Рядом с ним — свободное место, он знаком приглашает меня, и я сажусь.

Видимо это только случайность, но слева от него восседает англичанка. Американец беседует с ней и считает нужным представить ее мне:

— Мисс Горация Блуэтт, — говорит он.

Напротив сидит французская чета и старательно изучает меню.

Немецкий путешественник расположился на другом конце стола, поближе к буфетной, откуда выносят блюда, что позволяет ему получать первому. Это крепко сбитый светловолосый мужчина с розовым лицом, рыжеватой бородой, пухлыми руками и очень длинным носом, наводящим на мысль о толстокожих из породы хоботных. Вид у него, как у запасного германского офицера, которому угрожает преждевременное ожирение.

— На этот раз он не опоздал, — говорю я Фульку Эфринелю.

— В Германской Империи обеденный час соблюдается неукоснительно! — отвечает мне американец.

---

¹ Чжили — прежнее название провинции Хэбэй.

— Не знаете ли вы имени этого немца?

— Как же! Барон Вейшнитцердёрфер.

— И с такой фамилией он едет до Пекина?

— До самого Пекина, равно как и этот русский майор, что сидит рядом с капитаном «Астры».

Я вижу человека средних лет, бородатого, с сильной проседью. Тип вполне русский. Лицо открытое, располагающее. Я знаю русский язык, а он, вероятно, владеет французским. Не будет ли он тем попутчиком, о котором я мечтаю?

— Вы говорите, господин Эфринель, что он майор?

— Да, он русский военный врач, майор Нольтиц.

Американец успел разузнать гораздо больше, чем я, хоть он и не репортер.

Боковая качка еще не очень чувствительна, и каждый спокойно занимается своим обедом. Фульк Эфринель беседует с мисс Горацией Блуэтт, и из их разговора я понимаю, что между этими двумя англо-саксонскими натурами есть много общего.

И в самом деле, если один занимается поставкой зубов, то другая — волос. Мисс Горация Блуэтт — представительница солидной лондонской фирмы — торгового дома Гольмс-Гольм, получающего ежегодно из Небесной Империи сотни тонн женских волос на сумму в два миллиона фунтов стерлингов. Она едет в Пекин, чтобы учредить на средства этого дома постоянную контору, где будут концентрироваться волосы, собранные с подданных Сына Неба — и женщин, и мужчин. Дело обещает получить тем более благоприятный оборот, что тайное общество «Голубой Лотос» хлопочет об уничтожении косы, эмблемы подчиненности китаев маньчжурским монголам.

«Ну, что ж? — подумал я. — Если Китай отправляет в Англию свои волосы, то зато Америка снабжает его зубами. Обмен основан на дружеских началах, и значит все обстоит, как нельзя лучше».

Уже четверть часа, как мы сидим за столом. Пока ничего особенного не произошло. Пассажир с бритым лицом и его белокурая подруга, кажется, прислушиваются к нашей французской речи, прислушиваются с явным удовольствием и очевидным желанием вмешаться в разговор. Да, значит я не ошибся: это мои соотечественники, но к какой категории людей они принадлежат?..

В эту минуту крен «Астры» усиливается; тарелки подпрыгивают в углублении стола, приборы звенят и соскальзывают, из стаканов выплескивается часть содержимого, висячие лампы отклоняются от вертикальной линии или, вернее сказать, наши стулья и стол подчиняются капризам боковой качки. Любопытно наблюдать за всем этим, если сам ты не подвержен морской болезни.

— Эге,— говорит мне американец.— Его величество Каспий начинает стряхивать с себя блох!

— А вас не укачивает? — спрашиваю я его.

— Меня? — отвечает он, — не больше, чем морскую свинку. А вы, мисс,— добавил он, обращаясь к соседке,— вы легко переносите качку?

— На меня она не действует, — отвечает Горация Блуэтт.

По другую сторону стола супружеская чета обменивается несколькими словами по-французски:

— Тебе не дурно, Каролина?

— Нет, Адольф... пока еще нет... но если так будет продолжаться... признаюсь, что...

— В таком случае, Каролина, лучше выйдем на палубу. Ветер на четверть потянул к востоку, и «Астра» не замедлит зарыться носом в перо.

Эта манера выражаться говорит о том, что господин Катерна — ибо таково его имя — моряк, или когда-то им был. Этим объясняется и его балансирующая походка.

Между тем, качка становится все сильнее и сильнее. Большинство присутствующих не может ее вынести. Около тридцати пассажиров уже вышли из-за стола и отправились на палубу. Надеюсь, что на свежем воздухе им будет лучше. В столовой осталось не больше десяти человек, включая капитана, с которым мирно беседует майор Нольтиц. Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, как видно, привыкли к этим неизбежным случайностям навигации. Немецкий барон продолжает спокойно есть и пить, будто находится в мюнхенской или франкфуртской пивной. Держа нож в правой руке, а вилку в левой, он нарезает мясо кусочками, солит его, присыпает перцем, поливает соусом и на кончике ножа отправляет под свою волосатую губу. Узнаю тевтонскую натуру! Что бы ни случилось, он будет

держаться невозмутимо и никакая качка не заставит его уступить хотя бы одного глотка питья или куска пищи.

Немного поодаль расположились оба китайца, которых я разглядываю с любопытством.

Один из них, молодой человек лет двадцати пяти, с изящными манерами и приятным лицом, несмотря на желтизну кожи и раскосые глаза. Надо полагать, что несколько лет, проведенных в Европе, отразились не только на его манерах, но и на костюме. У него подстриженные усы, умные глаза и прическа скорее на французский, чем на китайский лад. Он кажется мне славным малым с веселым характером и вряд ли часто поднимается на «башню сожалений», если употребить метафору его родной страны.

Его компаньон, над которым он, кажется, слегка подтрунивает, похож на кивающую головой фарфоровую куклу. На вид ему лет пятьдесят-пятьдесят пять, лицо у него невзрачное, затылок наполовину выбрит, на спине традиционная коса, одежда национальная — платье, кофта, кушак, широкие шаровары и пестрые туфли без задника. Он не так вынослив и с усилением килевой качки, сопровождающейся дребезжанием посуды, вскакивает из-за стола и исчезает на лестнице, ведущей в кормовую рубку. А молодой китаец, протягивая забытый им на столе маленький томик, кричит ему вслед:

— Кэрнаро!.. Кэрнаро!..

Как попало итальянское слово на уста жителя востока? Неужели этот китаец говорит на языке Боккаччо? «XX век» имеет право это узнать и обязательно узнает.

Что же касается госпожи Катерна, то она встает, сильно побледнев, и господин Катерна, как примерный супруг, сопровождает ее на палубу.

После обеда я тоже иду на палубу, предоставив Фульку Эфринелю и мисс Горации Блуэтт беседовать с глазу на глаз о комиссионных процентах и прейскурантах.

Ночь почти наступила. Быстро бегущие тучи, гонимые с востока, задрапировали верхние слои неба широкими складками. Где-то в вышине мерцает еще несколько редких звездочек. Ветер свежеет. На фок-мачте качается, поскрипывая, белый фонарь. Два других фонаря, по правому и левому борту, следуя движениям качки, бросают на волны длинные шлейфы красного и зеленого цвета.